
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-V

посвящается К. Ф. Голстунскому

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2001

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 00-04-16212д*

Mongolika-V: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. — 184 с.

Сборник посвящен выдающемуся ученому-монголоведу, оставившему глубокий след в отечественном востоковедении, автору многочисленных научных трудов по истории, праву, языку монгольских народов, заслуженному ординарному профессору Санкт-Петербургского университета, посвятившему 46 лет своей жизни преподавательской деятельности, — Константину Федоровичу Голстунскому, со дня смерти которого на момент, когда был подготовлен этот коллективный труд (1999 г.), прошло 100 лет.

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 065555 от 5.12.97

Подписано в печать 10.10. 2001. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times DL».

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 23 п. л. Тираж 500 экз.

Заказ № 43

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

© «Петербургское Востоковедение», 2001

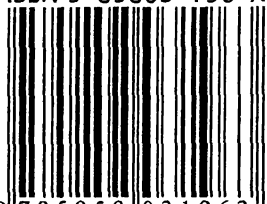
© Санкт-Петербургский филиал

Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

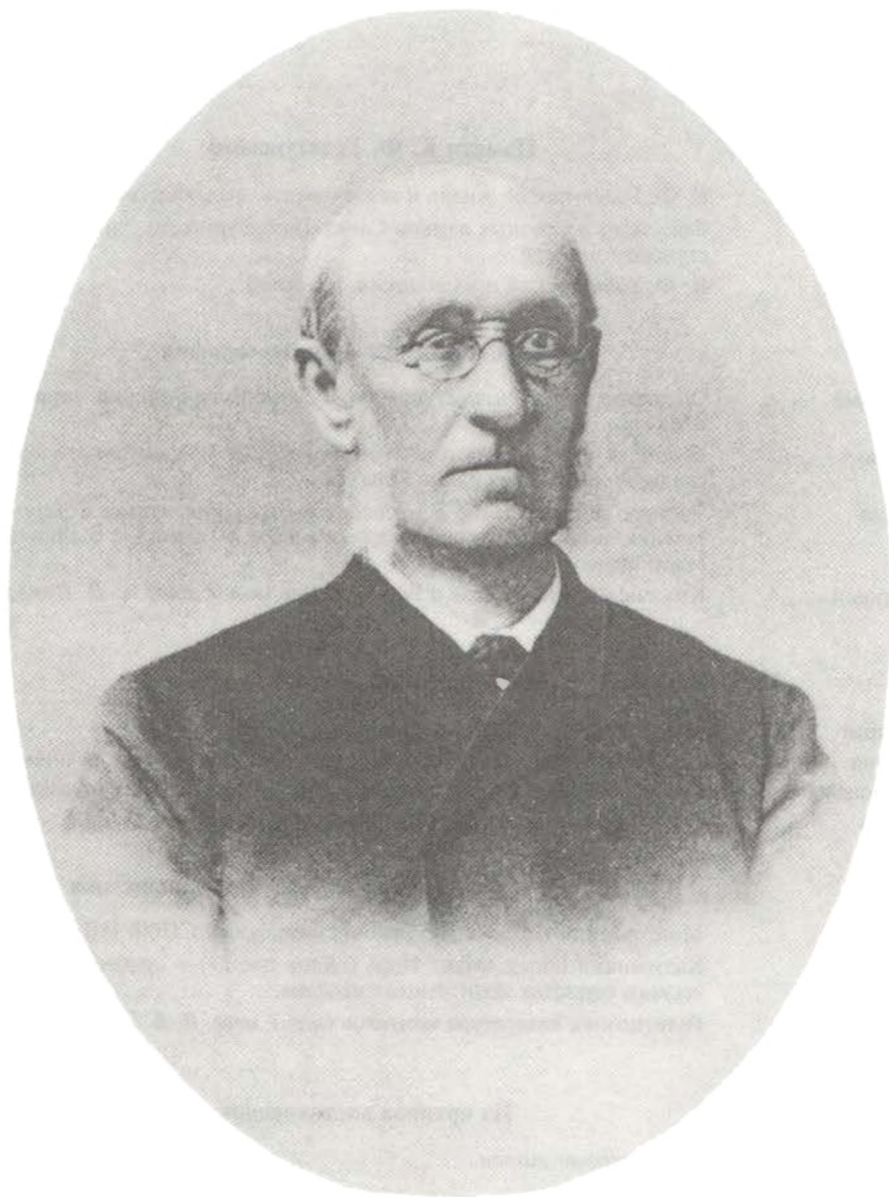
ISBN 5-85803-196-X

9 785858 031963

Содержание

Предисловие		5
Памяти К. Ф. Голстунского		
А. М. Решетов	К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа	6
З. К. Касьяненко	Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета при К. Ф. Голстунском и после	15
Т. Г. Борджанова	К. Ф. Голстунский и калмыцкий фольклор	17
Источниковедение и историография		
В. Л. Успенский	Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского	18
С. В. Дмитриев	<i>Сулде</i> : к проблеме истории формирования военно-политической терминологии средневековых кочевников Евразии	21
Е. В. Павлова	Частное землевладение в удельных русских княжествах Северо-Восточной Руси в течение позднего монголо-татарского периода и вопрос о влиянии монголо-татарского права	31
Футаки Хироши (Токио)	Классификация текстов о Белом старце (пер. с англ. М. П. Петровой)	33
Из рукописного наследия. Текстология		
Н. С. Яхонтова	«Ключ разума» (ойратский текст)	38
А. Д. Цсндина	Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына»	54
И. В. Маневская	Биография буддийского проповедника XI в. Атиши на монгольском языке	75
Б. С. Дугаров	О восточноаянском обрядовом тексте культа Гэсэра	100
Литературоведение. Лингвистика. Фольклористика		
И. В. Кульганек	Монгольский песенник из рукописного фонда СПбФ ИВ РАН	103
В. К. Шивлянова	Калмыцкий обряд «Мацг Идр» («День поста») и проблема структурно-стилистического единства молитвенных напевов	113
Булаг (Хух-Хото, КНР)	Религиозная литература монголов (пер. с монг. В. Л. Успенского)	119
Из архивов востоковедов		
М. И. Клягина-Кондратьева	Дневниковые записи	124
А. И. Андреев	Новая Монголия глазами русского путешественника (По страницам дневников последней экспедиции П. К. Козлова)	157
А. З. Хамарханов	Из переписки Г. Д. Санжеева и Т. А. Бертагаева	164
Наши переводы		
Жамбын Дашдондог	Юрта (пер. с монг. Л. Г. Скородумовой)	172
Очирбатын Дашбалбар	Переводы разных лет (пер. с монг. М. П. Петровой)	174
Ц. Тумэнбаяр	Скорпион (пер. с монг. М. П. Петровой)	176
	Из детского монгольского фольклора (пер. с монг. И. В. Кульганек)	178
Foreword		180

Константин Федорович Голстунский
1831—1899

А. М. Решетов

К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа

Время — лучший и объективный судья прошедших событий, деятельности наших предшественников. И чем дальше от нас отстоит то или иное явление, тем более верный вывод о его значении можно сделать.

22 июня 1999 г. исполнилось 100 лет со дня смерти профессора Императорского Петербургского университета монголоведа Константина Федоровича Голстунского. Мы можем сегодня уверенно сказать, что его имя не забыто. Именно К. Ф. Голстунский продолжил труд своих учителей О. М. Ковалевского и А. В. Попова по созданию отечественного монголоведения. Особенно значителен его вклад в формирование и развитие монголоведения в Санкт-Петербургском университете, в котором он обучал молодых востоковедов, начиная с первого года существования в нем факультета восточных языков, на протяжении почти 45 лет. Без имени К. Ф. Голстунского невозможно представить научную жизнь и преподавательскую деятельность на протяжении второй половины XIX в., его влияние через его учеников продолжилось и в XX в.

Константин Федорович Голстунский родился 2 (14) июля 1831 г. в г. Васильсури Нижегородской губернии¹. В метрической книге за 1831 г. записано: «2 июля Васильевского уездного училища у первоклассного учителя Федора Дмитриева Голстунского и законной его жены Евгении Ильиной родился сын Константин... Крещен 4 июля 1831 г. в Соборной Покровской Церкви»². Вскоре по представлению его отца коллежского асессора Ф. Д. Голстунского он был зарегистрирован на предмет принадлежности к дворянству в Нижегородском Депутатском Собрании³. Среднее образование Константин Голстунский получил в Первой Казанской гимназии. Будучи ее воспитанником, он с четвертого класса под руководством проф. А. В. Попова и практического преподавателя селенгинского буряты ламы Галсана Гомбоева начал изучение монгольского языка⁴, что определило всю его долгую дальнейшую жизнь. После окончания гимназии с серебряной медалью в 1849 г. он поступает на восточное отделение историко-фило-

логического факультета Императорского Казанского университета, где кафедру монгольского языка возглавлял выдающийся отечественный востоковед проф. О. М. Ковалевский. Взамен классических языков К. Ф. Голстунский продолжил изучение монгольского и калмыцкого языков у проф. А. В. Попова и преподавателя живого разговорного языка лектора Галсана Гомбоева, санскритом занимался у П. Я. Петрова и Ф. Ф. Боллензена. Учился он старательно и успешно. При окончании университета представил письменное рассуждение на заданную историко-филологическим факультетом тему «Биография Цзонкавы как лица исторического, появившегося в Тибете во второй половине XIV столетия по Рождеству Христову, с кратким указанием на прежние перерождения, степень его влияния на просвещение Тибета вообще и тибетского духовенства в особенности», которое по рассмотрению в факультете было признано вполне удовлетворительным. 13 июля 1853 г. выпускник Императорского Казанского университета К. Ф. Голстунский на основании Положения о производстве в ученые степени был утвержден историко-филологическим факультетом по разряду монгольской словесности кандидатом и награжден золотой медалью. Свидетельство об окончании К. Ф. Голстунским Императорского Казанского университета вместе с ректором подписал исправляющий должность декана историко-филологического факультета ординарный профессор, статский советник и кавалер О. М. Ковалевский⁵.

После столь успешного окончания курса университета К. Ф. Голстунский 31 августа 1853 г. Попечителем Казанского учебного округа был назначен исправляющим должность старшего учителя монгольского языка в свою alma mater — Первую Казанскую гимназию, 8 октября это назначение было официально подтверждено Высочайшим приказом по гражданскому ведомству. 10 мая 1854 г. он по распоряжению высшего начальства был еще определен комнатным надзирателем с оставлением при должности учителя в той же гимназии. С ноября 1854 г. до конца учебного года по распоряжению Попечителя Казанского учебного

округа преподавал также географию, а после закрытия преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии был назначен старшим учителем географии в этом учебном заведении⁶. Можно думать, что К. Ф. Голстунский предполагал сделать ученую карьеру на ниве монголоведения в Казани, работая сначала в гимназии, а затем с помощью своих учителей перейдя в университет, может быть, им в помощь или на смену им. Хотя по университетскому уставу 1835 г. предполагалось ввести преподавание монгольского языка во всех русских университетах, но этого не произошло, и монгольский язык по-прежнему преподавался только в Казани⁷. Таким образом, Казань представлялась весьма удобным и даже практически единственным местом, где развивалось научное монголоведение. И быть бы К. Ф. Голстунскому профессором Казанского университета, однако вскоре обстоятельства круто изменились. Так случилось, что и казанский период деятельности К. Ф. Голстунского длился совсем недолго.

Как хорошо известно, 22 октября 1854 г. в Санкт-Петербурге был подписан Указ Правительствующему Сенату, согласно пункту 4 которого предписывалось: «Преподавание восточных языков в Императорском Казанском университете, Ришельевском лицее, с состоящей при нем гимназией, и в первой Казанской гимназии прекратить, оставив в последней, по уважению местных обстоятельств края, преподавание татарского языка...»⁸. Тем же Указом отделение восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета преобразовывалось в факультет восточных языков. Среди других кафедр в нем учреждалась и кафедра монгольского и калмыцкого языков⁹, на которую из Казани по распоряжению Министра народного просвещения для преподавания монгольского языка был переведен проф. А. В. Попов и калмыцкого языка — К. Ф. Голстунский. В деле проф. К. Ф. Голстунского имеется запись о том, что с 1 июля 1855 г. согласно распоряжению Министра народного просвещения он «перемещен исправляющим должность адъюнкта калмыцкого языка в факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета»¹⁰.

На торжественном открытии факультета восточных языков, состоявшемся 27 августа 1855 г., выступил проф. А. В. Попов, который произнес «сообразную настоящему случаю речь»¹¹. Этот многоопытный ученый придавал большое значение сочетанию теоретических знаний с практическими. Он в связи с этим писал: «На факультет восточных языков должно смотреть как на единственное специальное заведение, в котором при изучении восточных языков имеются в виду и условия науки, и потребности государственного управления. Одни аудиторные занятия восточными языками при самых блестящих способностях и неутомимом усердии учащихся недостаточны для полного факультетского образования; тут необходимо соединение теоретических знаний с практическими»¹². Эту позицию А. В. Попова, своего учителя, одновременно возглавлявшего кафедру монгольского и калмыцкого языков факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, полностью разделял его ученик, а теперь младший коллега по кафедре К. Ф. Голстунский.

Приступив в сентябре 1855 г. к преподаванию калмыцкого языка на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, К. Ф. Голстунский для практического усовершенствования в калмыцком языке, сбора литературы на калмыцком языке в учебных и исследовательских целях, изучения на месте культуры и быта калмыцких племен возбудил вопрос о направлении его в калмыцкие улусы Саратовской, Астраханской и Ставропольской губерний. Уже 9 февраля 1856 г. ординарный профессор статский советник А. В. Попов доносил Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа: «Вполне разделяя мысли господина Голстунского, изложенные им в представлении к Вашему Превосходительству, касательно цели предполагаемого им путешествия по калмыцким стойбищам и предметов его занятий, я считаю нужным только означить путь, по которому он должен следовать во время обозрения калмыцких улусов с указанием на замечательные предметы»¹³. Поручая ему продолжать занятия живым разговорным языком и пополнять словарный запас, А. В. Попов обращал особое внимание его на необходимость фиксации особенностей дербетского и торгутского наречий: «...уклонения от другого должны служить предметом его исследований»¹⁴. Определяя конкретные пункты поездки К. Ф. Голстунского, А. В. Попов, обнаруживая детальное знакомство с ситуацией в калмыцкой степи, намечал для посещения места, интересные как с этнографической, так и с лингвистической точки зрения. В частности, он советовал побывать, проезжая мимо Кизляра по дороге в Астрахань, в калмыцких кочевьях, расположенных по берегу Каспийского моря в урочищах, называемых Мочагами: «Здесьние калмыки суть беднейшие выходцы из других улусов, собравшиеся сюда для прокормления себя рыболовством. Наречие их чрезвычайно грубо и представляет смесь всех калмыцких наречий»¹⁵. Обращает на себя внимание факт весьма конкретного определения всех аспектов задания. 25 мая 1856 г. исправлявший должность ректора Санкт-Петербургского университета сообщал декану факультета восточных языков: «Министр народного просвещения разрешил командировать исполняющего должность адъюнкта калмыцкого языка Голстунского в калмыцкие улусы Саратовской, Астраханской и Ставропольской губернии на 5 месяцев с целью практического усовершенствования в калмыцком языке и изучения жителей тамошнего края, с тем: 1, чтобы господин Голстунский на предмет сего путешествия снабжен был надлежащею инструкцією, на основании изъясненных в донесениях (так! — А. П.) ординарного профессора Попова самого адъюнкта Голстунского; 2, чтобы, по возвращении в Санкт-Петербург, Голстунский представил подробный отчет о своем путешествии и 3, чтобы отчет этот подвергнут был надлежащему рассмотрению в факультете восточных языков и с заключением оного и Совета Университета представлен чрез начальство округа Министерству»¹⁶. Из экономической суммы Университета и собираемой за слушание лекций К. Ф. Голстунскому на подъем, путевые издержки туда и обратно было выделено 500 руб. и на покупку книг для Университета еще 100 руб. Для руководства ему были вручены план поездки по калмыцким улусам и специ-

альная инструкция, составленная по поручению Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа факультетом восточных языков¹⁷.

К. Ф. Голстунский успешно справился с поставленными задачами, результаты поездки были значительны. Он собрал большой словарный материал по торгутскому и дербетскому наречиям, познакомился с повседневным бытом калмыков. Однако были и трудности. Например, он сам в своем донесении в факультет восточных языков 4 августа 1856 г. так описывал свою работу в Бага-Цохуровском улусе у торгутов. «В этом улусе я обращал особенное внимание на приобретение сочинений, но при всем моем старании, при всех средствах, которые были употребляемы для этого, — и всегда встречал скрытность калмыков, которые утаивают свои умственные сокровища, считая великим грехом передавать их в руки иноверца. Ни деньги, ни ласки, ни усиленные просьбы не помогут приобрести что-нибудь порядочное, а только содействие лица, имеющего на них влияние, может послужить в пользу искателя»¹⁸. Оценивая книжные приобретения К. Ф. Голстунского, проф. А. В. Попов сообщал в факультет восточных языков: «Собрание калмыцких рукописей, сделанное Голстунским, включает в себе сочинения большею частью религиозные и повествовательные. Они в настоящее время, при введении научного преподавания калмыцкого языка в Санкт-Петербургском университете, послужат весьма важным учебным пособием, тем более что в библиотеке нашего университета до сих пор был ошутительный недостаток в калмыцких сочинениях»¹⁹. В донесении декану факультета восточных языков проф. А. В. Попов также сообщал по тому же поводу: «Я рассмотрел доставленные ко мне калмыцкие рукописи и нашел, что они хотя и не отличаются изяществом почерка, но зато имеют неотъемлемые достоинства как по своему содержанию, так и, в особенности, по прекрасным образцам живой народной речи, что в калмыцких сочинениях составляет большую редкость. Что же касается до стоимости их, то я нахожу цену, за которую приобрел их господин Голстунский, весьма умеренной»²⁰. Особенное внимание следует обратить на общий отзыв проф. А. В. Попова о результатах поездки своего ученика и младшего коллеги: «Вообще господин Голстунский исполнил возложенное на него поручение с редкою добросовестностью и совершенным знанием дела. Я считаю должным обратить внимание факультета на господина Голстунского как на молодого ученого, подающего прекрасные надежды Университету, и покорнейше прошу исходатайствовать ему за исполненное им поручение признательность Его Высокопревосходительства Господина Министра народного просвещения со внесением в послужной его список»²¹. Подробный отчет, представленный К. Ф. Голстунским об итогах его поездки в калмыцкие степи, получил высокую оценку коллег. Он содержит немало интересных лингвистических, фольклорных, этнографических и исторических сведений, сохраняющих свое научное значение и в наше время, и заслуживает специальной публикации²². По результатам отчета К. Ф. Голстунского и представлению А. В. Попова декан факультета восточных языков 17 декабря 1857 г. обратился в Совет Университета с просьбой

исходатайствовать Константину Федоровичу Голстунскому за исполненное им поручение признательность Министра народного просвещения со внесением в послужной его список. Министр удовлетворил эту просьбу Университета²³. Это была первая его награда.

Столь подробно о первой поездке К. Ф. Голстунского в калмыцкие улусы от Санкт-Петербургского университета я рассказывал намеренно. Говоря современным языком, экспедиционные поездки этого ученого — важная и неотъемлемая часть его деятельности. Почти каждый год в вакационный (каникулярный) период он один или со своими студентами для практики выезжал в калмыцкие степи, жил среди калмыков, наблюдал их быт, собирал материал для словаря, регулярно пополняя его новыми сведениями, приобретал образцы калмыцкой письменной литературы и т. д. Нередко эти экспедиции и командировки были довольно длительными. Например, в мае 1862 г. К. Ф. Голстунский был командирован в калмыцкие степи Астраханской и Саратовской губернии с ученою целью на 4 месяца²⁴. В 1883 г. он находился в командировке в калмыцкой степи Астраханской губернии с 1 июня по 1 августа²⁵. За 30 с лишним лет он посетил разные районы Астраханской, Саратовской, Ставропольской и Таврической губерний, населенные калмыками. Благодаря его поездкам пополнился рукописный фонд библиотеки факультета восточных языков, куда он передавал приобретенные им из калмыцких улусов калмыцкие рукописи и ксилографы. Среди них были и довольно ценные (эпическое сказание калмыков «Джангар», калмыцкая версия повести о монголо-тибетском богатыре Гэсэр-хане, история Убаши-хун-тайджи «Улигерун ном» и др.²⁶ Характеризуя его собрания, советский монголовед Л. С. Пучковский отмечал: «Научные интересы проф. К. Ф. Голстунского также отразились в его коллекции: в ней содержатся сочинения по истории ойратов, монголо-ойратское уложение и записи ойратского фольклора»²⁷.

Во время поездок к калмыкам К. Ф. Голстунский специально занимался сбором фольклорного материала. В начале 60-х гг. XIX в. он вел усиленные поиски в калмыцких степях хороших сказителей, которые знали бы еще не записанные песни национальной эпопеи «Джангар». Ему повезло найти таких сказителей, но организовать работу с ними оказалось делом весьма нелегким: ведь обычно они исполняли песни «Джангар» вечером и в присутствии большого числа слушателей, а теперь им предлагалось исполнять их днем и с постоянными перерывами, необходимыми для записи текстов вручную. Процесс записи шел трудно и долго, в результате удалось записать обыкновенных калмыцким письмом только две новые песни. В 1864 г. они были изданы литографированным способом. Под влиянием своего учителя уже в начале XX в. десять новых песен «Джангара» все-таки были записаны В. Л. Котвичем²⁸. Собранный им фольклорный материал К. Ф. Голстунский широко использовал в лекционно-преподавательской и научно-исследовательской деятельности.

Обозревая жизнь в науке К. Ф. Голстунского, его факультетский коллега проф. А. О. Ивановский отмечал: «Нет в биографии Константина Федоровича выдающихся, бьющих в глаза фактов, нет

и далеких путешествий — он ездил только в калмыцкие степи, но 1853—1899 дают 46 лет неутомимой и плодотворной педагогической деятельности»²⁹. Да, 46 лет, без малого полвека тяжелого преподавательского труда. В Санкт-Петербурге, как уже отмечалось, он начал свою деятельность на факультете восточных языков исправляющим должность адъюнкта калмыцкого языка. Сначала в своей преподавательской практике он пользовался учебными пособиями по монгольскому языку и хрестоматиями, составленными его казанскими учителями О. М. Ковалевским и А. В. Поповым, летописью Санан Сэцэна по изданию И. Я. Шмидта, а в преподавании калмыцкого языка — литографированными изданиями Убаши-хун-тайджи, народной поэмы «Джангар», калмыцких сказок и пословиц³⁰. Вместе с тем с самого начала работы молодого ученого на факультете восточных языков столичного университета перед ним была поставлена задача подготовки собственных пособий. 14 января 1859 г. К. Ф. Голстунский докладывал исправляющему должности декана факультета ординарному профессору А. В. Попову: «Инструкцией факультета восточных языков, данной при командировании меня в 1856 г. в Калмыцкие степи, вменено мне в обязанность составить сборник калмыцких слов, употребляемых только в разговоре. Вторая поездка, мной совершенная с разрешения господина Попечителя в кочевья калмыков летом 1858 г., дала возможность пополнить и исправить составленный мною Русско-калмыцкий словарь и теперь, окончив его, насколько позволяли мне к тому пособия и время пребывания между калмыками, имею честь представить его при сем на рассмотрение факультета. Кроме того, прошу покорнейше факультет снести с Географическим обществом и испросить из библиотеки его рукописи калмыцкой поэмы „Джангар“, которые хранятся там в двух списках, необходимые мне для моих занятий»³¹. Изучение калмыцкого языка началось впервые в Казани, где в 1847 г. проф. А. В. Поповым была составлена на основе собственных материалов и издана «Грамматика калмыцкого языка». Но одной грамматики было недостаточно для изучения калмыцкого языка, нужны были и другие учебные пособия, прежде всего словари и хрестоматии. Подготовка их осложнялась тем, что лексика калмыков довольно значительно отличалась, в силу ряда причин, от монгольской. Это хорошо понимал проф. А. В. Попов, поручая работу по составлению калмыцкого словаря и хрестоматии своему ученику и коллеге. «Они (калмыки. — А. Р.) от тесной связи с туркестанцами как народом более цивилизованным переняли некоторые их обычаи, смягчили грубое свое наречие и даже заимствовали много тюркских слов. Калмыки, переселившиеся в Приволжские степи, имели также близкие сношения с соседними татарами, в каких прежде находились с Восточным Туркестаном. Следовательно, влияние тюркского племени здесь не только не ослабло, но еще более проникло во внутреннюю жизнь калмыков. Таким образом мы находим в калмыцком языке множество слов или перешедших от инородцев, или образовавшихся от предметов окружающей калмыков природы и от особых их занятий, как то садоводства, рыболовства и т. п. Вот причина той разницы в наречии и некоторых обы-

чаев, которую мы замечаем между калмыками и монголами»³². Итак, первым учебным пособием для изучения калмыцкого языка, подготовленным К. Ф. Голстунским по лично им собранным материалам, был изданный в 1860 г. «Русско-калмыцкий словарь». Надо сказать, что он был сразу же высоко оценен факультетом и рассматривавшим его по поручению Совета факультета проф. А. В. Поповым. Последний, в частности, по этому поводу писал: «Наш молодой и даровитый ученый Г[осподин] Голстунский, посвятивший себя специальным занятиям калмыцким языком, ныне отчасти устраняет этот недостаток (отсутствие необходимых учебных пособий. — А. Р.) Он составил Русско-калмыцкий словарь, который может служить весьма важным пособием для изучения калмыцкого языка. По поручению факультета я рассмотрел этот вполне добросовестный труд и нашел, что Г[осподин] Голстунский каждое слово определял с большою осторожностью, постоянно справляясь то с лучшими калмыцкими сочинениями, то с живой народной речью; я нигде не заметил ни произвольного толкования, ни умысленной натяжки; выбор значения слов основан на свойствах калмыцкого языка, при указании филологической критики; многие слова снабжены фразеологией, которой объединяются калмыцкие идиоматизмы. По моему мнению, этот словарь есть капитальное приобретение для учебной литературы»³³. Это был учебный словарь, но он дал К. Ф. Голстунскому определенный опыт, и словарной работой он занимался практически на протяжении всей дальнейшей жизни. За словарем последовала калмыцкая хрестоматия, изданная в Санкт-Петербурге в 1864 г. Для учебных целей литографским способом были изданы калмыцкие сказки: К. Ф. Голстунский широко использовал в своей преподавательской деятельности произведения калмыцкого фольклора.

Проф. А. В. Попов, получивший новое назначение на должность главного инспектора училищ Западной Сибири и уволенный от занимаемой им должности в университете, видел своим преемником только К. Ф. Голстунского. Он дал самую высокую оценку деятельности своего талантливого ученика и младшего коллеги и предложил факультету возложить на него его (Попова) обязанности по кафедре монгольского и калмыцкого языка³⁴. Уже 15 января 1860 г. декан факультета восточных языков доносил в Совет Императорского Санкт-Петербургского университета: «...в уважение основательных сведений исполняющего должность адъюнкта калмыцкого языка Г[осподина] Голстунского в монгольском и калмыцком языках и отличных педагогических его способностей, доказанных пятилетним сравнительным преподаванием вышеупомянутых языков в здешнем университете, примерного его трудолюбия, постоянных занятий на избранном им поподробнее и ученых трудов, вполне убеждающих в основательности его знаний... единогласно выбрал его в исполняющего должность экстраординарного профессора монгольского и калмыцкого языков и потому имеет честь покорнейше просить ходатайства Совета университета об избрании Г[осподина] Голстунского в исполняющие должности экстраординарного профессора монгольского и калмыцкого языков, с предоставлением ему всех прав и преимуществ,

присвоенных этому званию, и с назначением положенного по штату жалования»³⁵. 22 февраля 1860 г. в Совете университета было произведено баллотирование на имеющуюся вакансию экстраординарного профессора по факультету восточных языков. К. Ф. Голстунский получил 20 избирательных при полном отсутствии неизбирательных бюллетеней. 23 марта 1860 г. приказом Министра народного просвещения он был утвержден в избранной должности³⁶.

Тогда же в помощь К. Ф. Голстунскому лектором монгольского и калмыцкого языков был назначен ученый лама Галсан Гомбоев, уже хорошо известный своими научными работами и переводами, в том числе переводом на русский язык монгольской летописи «Алтан-Тобчи». Г. Гомбоев был верным помощником профессору К. Ф. Голстунскому в качестве практического преподавателя монгольского языка³⁷.

К. Ф. Голстунский выступал на факультете с важными перспективными идеями. Прежде было два отдельных самостоятельных разряда — монголо-калмыцкий и китайско-маньчжурский, которые по его предложению факультет и вышестоящее начальство сочли целесообразным объединить в китайско-маньчжурско-монгольский. Если раньше на монголо-калмыцком разряде дополнительно преподавался один — татарский язык, то теперь на новом объединенном разряде изучался один основной и два дополнительных языка. Практически, начиная с 1864/65 учебного года, каждый студент этого разряда знал китайский, маньчжурский и монгольский языки, что резко повысило интерес у слушателей к обучению на этом разряде: если раньше по разряду шло всего 5 студентов, то позднее их число увеличилось до 10—15 человек, улучшилось распределение молодых специалистов-востоковедов³⁸.

21 марта 1873 г. ординарный профессор синолог В. П. Васильев возбудил на факультете восточных языков вопрос о важности изучения дзюнгарского (калмыцкого) наречия монгольского языка, имея в виду практические потребности в специалистах в связи с ростом экономических связей России с Северо-Западным Китаем. За дополнительное вознаграждение эту вновь образовавшуюся нагрузку факультет возложил на К. Ф. Голстунского³⁹. В том же году К. Ф. Голстунский для работы на факультете привлек служившего до этого в качестве переводчика в Иркутской епархии Н. Н. Доржиева, поручив ему преподавание монгольского разговорного языка и перевод с русского на монгольский. С 1882/83 учебного года к лекциям по истории калмыцкой письменности добавился новый курс по истории монгольской письменности. Таким образом, преподавание монгольских языков на китайско-маньчжурско-монгольском разряде неуклонно укреплялось и улучшалось, чему К. Ф. Голстунский неизменно уделял большое внимание.

С 1 июля 1880 г. К. Ф. Голстунский был утвержден в звании заслуженного экстраординарного профессора по кафедре монгольского и калмыцкого языков. Поскольку на факультете восточных языков не было вакансии ординарного профессора, то 5 ноября 1880 г. Совет факультета, учитывая большую и плодотворную деятельность К. Ф. Голстунского, определил выплачивать дополнительно

к его окладу экстраординарного профессора по 600 рублей⁴⁰. Вакансия ординарного профессора на факультете восточных языков появилась только в 1883 г., и на нее 7 марта 1883 г. Совет университета (33 баллотировочных и 5 небаллотировочных бюллетеней) избрал К. Ф. Голстунского. В этом конкурсе он обошел известного ученого маньчжуроведа И. И. Захарова. Его просьба именоваться заслуженным ординарным профессором была удовлетворена Министром народного просвещения 14 июня 1883 г.⁴¹ Таким образом, К. Ф. Голстунский обладал в университете высшими профессорскими должностями, что является свидетельством его больших заслуг на преподавательском поприще. «Человек большой сердечной доброты, опытный и горячо преданный своему делу педагог, глубокий знаток своего предмета, Константин Федорович постоянно пользовался любовью своих слушателей. Слушатели менялись, Константин Федорович же оставался все тем же мягким, спокойным, но серьезным профессором, который неизменно (в одной и той же аудитории, в одни и те же часы и дни), по той или другой программе, но с одной и той же аккуратностью и опытностью вел дело преподавания; различен был уровень познаний слушателей, но всегда все выходило из аудитории с твердым сознанием, что профессор с полной основательностью разъяснил им все их сомнения и недоумения»⁴².

Преподавательская деятельность К. Ф. Голстунского, как можно было видеть, развивалась весьма успешно, она отнимала массу времени. Мешала ли она научно-исследовательской работе профессора? Как мне представляется, в известной мере да. В университетском личном деле К. Ф. Голстунского есть такая запись: «В уважение того, что в силу прежних постановлений, [Господин] Голстунский допущен уже к исправлению должности профессора и около десяти лет занимает уже самостоятельную кафедру. Государь Император, по верноподданнейшему докладу [Господина] Министра народного просвещения в 27 день сентября, Высочайше повелеть соизволил: дозволить ему, не подвергаясь магистерскому экзамену, представить и защищать прямо докторскую диссертацию. 27 сентября 1865 года»⁴³. Однако опубликовать и защитить работу на степень доктора из-за занятости преподавательской и организационной работой на факультете К. Ф. Голстунский смог только в 1880 г. 19 марта 1880 г. декан факультета восточных языков доносил ректору университета о том, что исправляющий должность экстраординарного профессора К. Ф. Голстунский допущен факультетом к публичной защите им труда «Монголо-ойратские законы 1640 г.» для получения степени доктора монгольской словесности и диспут назначен на 12 часов дня 25 марта, а оппонентами назначены заслуженный ординарный профессор В. П. Васильев и экстраординарный профессор И. И. Захаров⁴⁴. В своем представлении К. Ф. Голстунского к защите докторской степени факультет дал высокую оценку его научным достижениям: «Ученик первого профессора монгольского языка в России и следовательно и во всей Европе Осипа Михайловича Ковалевского и наследник г. Попова К. Ф. Голстунский есть еще только третий занимающий эту кафедру и как опытный преподаватель и глубокий знаток мон-

гольского есть до сих пор еще единственный представитель науки этого языка... По рассмотрении оного признал этот труд новым вкладом в науку и сверх того доказательством глубокого изучения как монгольско-калмыцкого языка, так и существующих, по крайней мере, дошедших пока до нас на этих языках источников»⁴⁵. При защите Монголо-ойратские законы 1640 г. были дополнены двумя указами Галдан Хунтайчи и законами, составленными для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши, при этом калмыцкий текст был дан с русским переводом и примечаниями. Своими исследованиями К. Ф. Голстунский подчеркнул значение монголо-ойратских законов как юридического документа и памятника монгольской письменности, положив плодотворное начало изучению памятников права в отечественном монголоведении. 26 марта 1880 г. декан факультета восточных языков проф. В. П. Васильев подписал следующее представление в адрес Совета Императорского Санкт-Петербургского университета: «В публичном собрании факультета восточных языков 25 марта сего 1880 г. исправляющий должность экстраординарного профессора К. Ф. Голстунский защищал свою диссертацию под заглавием „Монголо-ойратские законы 1640 г.“, защищение диссертации признано удовлетворительным. Представляя о сем Совету Университета, факультет имеет честь покорнейше просить об утверждении Г[осподина] Голстунского в степени доктора монгольской словесности»⁴⁶. Совет университета утвердил К. Ф. Голстунского в искомой степени уже 7 апреля 1880 г.⁴⁷ Известный отечественный монголовед М. И. Гольман, оценивая значение труда К. Ф. Голстунского для современной науки, писал: «Труд К. Ф. Голстунского в целом сохраняет свое значение как первая публикация ойратской копии этих законов, двух указов Галдана и наиболее полного списка законов Дондук-Даши с их переводом на русский язык и весьма ценными комментариями»⁴⁸. Следует подчеркнуть, что факультет стремился создавать самые благоприятные условия для научной работы К. Ф. Голстунского. Это, в частности, выразилось в том, что факультет просил Совет университета о командировании проф. К. Ф. Голстунского с ученой целью для ознакомления с печатными сочинениями и манускриптами на монгольском языке по части истории и распространения буддизма в Монголии и с другими историческими памятниками в Германию, Австрию и Францию с 20 апреля по 15 июня 1874 г.⁴⁹

Главной в научной деятельности К. Ф. Голстунского все же была словарная работа: ею он занимался всю свою жизнь. Сам он так определял значение словаря: «Главная основа к изучению какого-либо народа с его письменными памятниками и к сближению с народом состоит в знании языка оного народа, а пособием к изучению языка является словарь»⁵⁰. Именно «Монгольско-русский словарь» в 3 томах, изданный в Санкт-Петербурге в 1893—1896 г., является основным ученым трудом К. Ф. Голстунского. Его сразу высоко оценили современники за его лексическую полноту. В известной мере можно сказать, что автор обосновал новые, по сравнению со своими предшественниками, подходы к составлению словаря. Так, он давал не простые примеры, как О. М. Ковалевский,

автор популярного и также довольно полного «Монгольско-русско-французского словаря», но внес в него по алфавиту и калмыцкие слова, много поработал над установлением точного значения слов; для выявления вариантов значений он включил в словарь большое количество фраз и цитат из разных монголоязычных источников. А. О. Ивановский отмечал также большую полноту словаря К. Ф. Голстунского по сравнению со словарем О. М. Ковалевского⁵¹. Над совершенствованием и дополнением своего детища К. Ф. Голстунский работал и после его издания, вплоть до последних дней своей жизни. Как любезно сообщила мне З. К. Касьяненко, в 1896 г. по решению факультета восточных языков вышло отдельное литографированное издание — дополнение к Монгольско-русскому словарю К. Ф. Голстунского, подготовленное им самим (89 с.) В 1901 г. вышло отдельное (посмертное) издание дополнений к словарю, подготовленное А. Д. Рудневым (64 с.) В 1938 г. Ленинградский Восточный институт переиздал «Монгольско-русский словарь» К. Ф. Голстунского, признавая его большое научное значение. Однако в соответствии с господствовавшими тогда в СССР антирелигиозными доктринами при переиздании были устранены некоторые буддийские термины, имена будд и бодхисаттв и иная не соответствующая эпохе лексика; дополнения К. Ф. Голстунского были урезаны и заняли с. 683—698. О дополнениях А. Д. Руднева не упоминалось, может быть потому, что он оказался в эмиграции и его имя нежелательно было вспоминать. Как справедливо отмечает Ш. Чимитдоржиев, словарь К. Ф. Голстунского и до сих пор «остается важнейшим лексикографическим пособием при составлении современных монгольско-русских словарей»⁵².

Вскоре после отъезда из Санкт-Петербурга к месту новой службы проф. А. В. Попова Святейший Правительствующий Синод постановил: дальнейшее преподавание монгольского языка в Санкт-Петербургской Духовной академии поручить адъюнкту университета К. Ф. Голстунскому и практическому преподавателю Г. Гомбоеву⁵³. Инициатива исходила от ярославского архиепископа Нила, который, имея в готовности переводы на монгольский язык нескольких богослужебных книг и будучи озабочен их изданием, 26 февраля 1861 г. просил назначить вместо выбывшего А. В. Попова рецензентом именно К. Ф. Голстунского, который уже 7 марта дал свое согласие⁵⁴. Основная работа по переводу и изданию богослужебной литературы на монгольский язык велась архиепископом Нилом и протоиереем Доржиевым при постоянном и непосредственном участии К. Ф. Голстунского. Таким образом был издан на монгольском языке полный круг богослужебных книг за исключением переводов Святого Евангелия и Апостольских Деяний и Посланий, за что он неоднократно отмечался Синодом и Министерством народного просвещения⁵⁵. По ходатайству Миссионерского общества при факультете восточных языков было открыт двухгодичный курс, специально направленный на миссионерские цели. Основная нагрузка по чтению лекций для миссионеров была возложена факультетом на экстраординарного профессора К. Ф. Голстунского, который вынужден был читать помимо своих шести лекций еще по три лекции в неделю

для новых слушателей⁵⁶. Вклад К. Ф. Голстунского в развитие миссионерства, подготовку и распространение богослужебных книг на монгольском языке — тема, заслуживающая специального детального исследования.

Многогранная деятельность К. Ф. Голстунского не была ограничена только университетом. Учитывая глубокие знания его в области монголоведения, его положение в науке — ведь начиная с 60-х гг. XIX в. он фактически был главой отечественного монголоведения, — его старались привлечь для работы с ними или у них не только религиозные организации, но и правительственные органы. В частности, 6 марта 1865 г. Император Александр II назначил К. Ф. Голстунского переводчиком VII класса при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел России с оставлением в занимаемой им должности в университете, а вскоре ему был присвоен по департаменту VI переводческий класс⁵⁷. С 1865 г. К. Ф. Голстунский состоял членом-сотрудником Восточного отделения Императорского Русского археологического общества⁵⁸.

Где бы ни работал К. Ф. Голстунский, какие бы ни занимал должности, повсюду он пользовался уважением и доверием коллег. Впервые ученым составом факультета восточных языков он был избран на хлопотную должность секретаря факультета. Нередко у него были серьезные конкуренты. Так, 16 марта 1884 г. на очередной новый срок на эту должность баллотировались одновременно К. Ф. Голстунский, И. Н. Березин, Д. А. Хвольсон, К. П. Патканов, В. Ф. Гиргас, И. И. Захаров, В. Р. Розен. Единогласно был избран К. Ф. Голстунский — его мягкий нрав, доброжелательное ровное отношение ко всем коллегам, четкое ведение факультетских дел всем были по нраву⁵⁹. В связи с увольнением К. Ф. Голстунского от должности секретаря факультета по собственной просьбе и переходом на пенсию с первого октября 1888 г. ректор университета поблагодарил его за бескорыстную исправную службу: «Примите уверение в совершенном моем к вам почтении и преданности»⁶⁰. Но когда требовалось и в дальнейшем заменить на время секретаря факультета, обращались к К. Ф. Голстунскому. Так, он исполнял эти обязанности вновь с 1 апреля по 1 октября 1893 г. на срок командировки секретаря факультета А. М. Позднеева⁶¹. По просьбе ректора университета он принял на себя исполнение обязанностей декана факультета восточных языков с 25 мая 1888 г. (на время отсутствия декана В. П. Васильева на все каникулярное время и сверх того 28 дней)⁶².

Такая отзывчивость К. Ф. Голстунского по отношению к обращениям коллег и нуждам факультета и университета способствовала сохранению им своего служебного положения, невзирая на возрастные ограничения. Так, приказом Министра народного просвещения от 3 октября 1883 г. К. Ф. Голстунский по выслуге 30-летнего срока по учебной части был оставлен на службе при университете еще на 5 лет, начиная с 31 августа 1883 г. Таким образом, 31 августа 1888 г. он выслуживал бы 35-летний срок учебной службы. Он был поставлен в известность, что на основании статьи 105 университетского устава он подлежит отчислению из штатных профессоров университета. При этом он изъявил желание сохранить звание профессора университета и

продолжать чтение лекций. Уважая желание старшего профессора, университет исхлопотал у Управляющего Санкт-Петербургским учебным округом вознаграждения за чтение лекций⁶³. К. Ф. Голстунский был отчислен из университета с 31 августа 1888 г., и ему была определена пенсия, но через каждые 5 лет он регулярно продолжал получать разрешение на получение за чтение лекций вознаграждения в размере 1200 рублей из сумм, ассигнованных на содержание личного состава университета. Последнее такое разрешение, поддержанное деканом факультета бароном В. Р. Розеном, было дано в августе 1898 г.⁶⁴ В 1894 г. исполнилось 40 лет службы почтенного профессора в университете, в связи с чем он был пожалован знаком отличия за безупречную беспорочную службу для ношения его на Владимирской ленте с одновременным вручением соответствующей грамоты⁶⁵.

К. Ф. Голстунский имел самые различные поощрения, успешно продвигался по службе. В конце жизни он имел титул действительного статского советника V класса. В декабре 1857 г. он впервые был отмечен в университете: по ходатайству факультета за исполнение поручений ему была выражена «признательность господина Министра народного просвещения со внесением в послужной его список»⁶⁶. Он был награжден орденами Святой Анны II степени (8 февраля 1869 г.) и I степени (1 января 1888 г.), Святого Владимира III степени (1 января 1873 г.), Святого Станислава II степени (8 апреля 1867 г.) и I степени (1 января 1883 г.), темно-бронзовой медалью в память войны 1853—1856 гг.⁶⁷

К. Ф. Голстунский был законопослушным человеком и добропорядочным семьянином. 31 марта 1859 г. молодой адъюнкт обратился к ректору университета с прошением «снабдить его ходатайством на вступление в законный брак с дочерью коллежского советника девицею Наталией Петровой Павловой»⁶⁸. Наталия Петровна создавала благоприятные условия для работы мужа, была любящей супругой и заботливой матерью, умело вела дела дома. Брак был счастливым, в семье росло шестеро детей: два сына — Михаил (26 октября 1865 г.) и Федор (16 января 1868 г.) и четыре дочери — Евгения (22 мая 1860 г.), Ольга (16 января 1863 г.), Наталия (20 июня 1867 г.) и младшая Вера (5 марта 1872 г.). Отец заботился о воспитании детей, об их образовании. Так, например, сын Михаил был оформлен в сентябре 1877 г. в Ларинскую гимназию стипендиатом МИД, Наталия и Вера в 1881 г. были определены в училище Ее Императорского Высочества принцессы Терезии Ольденбургской, сын Федор стал служащим Государственного банка. Удачно устроили свою судьбу дочери, например, Евгения вышла замуж за коллежского секретаря Л. Н. Лосенко, а Ольга — за статского советника, ученика отца А. М. Позднеева⁶⁹. Последний факт свидетельствует, очевидно, о том, что между профессором и студентами существовали неформальные отношения и они, во всяком случае лучшие из них, посещали дом учителя...

Весной 1899 г. К. Ф. Голстунский заболел, 15 мая 1899 г. он попросил факультетское начальство об увольнении на вакационное время с 20 августа на 28 дней и выехал за город в Усть-Нарву на отдых, где и скончался 22 июня от порока сердца.

Панихида была отслужена на месте в церкви Святого Князя Владимира, а 25 июня он был погребен в Санкт-Петербурге на Смоленском кладбище⁷⁰.

К. Ф. Голстунский был современником основания факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, где стал затем одним из ведущих ученых, опытным профессором. Среди его учеников были А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Н. В. Кюпер, А. Д. Руднев и другие. Он учитель учителей многих последующих поколений монголоведов. Конечно, и его труды, и методы его преподавания в полной мере отражали эпоху, уровень развития науки того времени, и в этом контексте они заслуживают уважения и признательности. Вот как вспоминал своего учителя благодарный ученик В. Л. Котвич: «Когда в 1891 г. я поступил на фа-

культет восточных языков Петербургского университета, монголоведные науки преподавали там известные профессора К. Ф. Голстунский и А. М. Позднеев. Занятия калмыцким языком вел первый из них, в то время уже старый, но еще крепкий человек. Он с увлечением читал лекции о калмыцких народных сказках, краткую калмыцкую историю, касался и степного уложения 1640 г. От К. Ф. Голстунского слушатели и узнали о существовании дивной национальной эпопеи „Джангар“, в открытии которой профессор имел едва ли не наибольшие заслуги»⁷¹.

Имя К. Ф. Голстунского прочно заняло достойное высокое место в истории отечественного монголоведения.

Примечания

- О К. Ф. Голстунском подробнее см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета. 1869—1894. Т. I. СПб., 1896. С. 198; *Ивановский А. О.* Памяти К. Ф. Голстунского. 1831—1899 // Зап. Вост. отд-ния Имп. Русского Археологического о-ва. Т. XII. СПб., 1900. С. 0109—0111; *Касьяненко З. К.* Кафедра монгольской филологии // Востоковедение в Ленинградском ун-те. Л., 1960. С. 59. Учен. зап. ЛГУ. № 296. Вост. фак. Сер. востоковед. наук. Вып. 16; *Чимитдоржиев Ш.* Российские монголоведы (XVIII—начало XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 71—74; *Улымжиев Д. Б.* Монголоведение в России во второй половине XIX—начале XX в.: петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1997. С. 62.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб.), ф. 14, оп. 1, д. 5537а, № 3. Здесь и далее все даты даются по старому стилю.
- Там же, л. 6—7.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета. С. 198.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 25.
- Там же, л. 8—9.
- Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. 2-е изд. Л., 1925. С. 269.
- Материалы для истории факультета восточных языков. Т. I. СПб., 1896. С. 144.
- Подробнее об этом см.: *Кононов А. Н.* Восточный факультет Ленинградского университета // Учен. зап. ЛГУ. С. 10—11; *Валеев Р. М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в.—20-е гг. XX в.). Казань, 1998. С. 70—158.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 10.
- Цит. по: *Кононов А. Н.* Восточный факультет Ленинградского университета. С. 11.
- Цит. по: *Касьяненко З. К.* Кафедра монгольской филологии. С. 59.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 34.
- Там же, л. 35.
- Там же, л. 36.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 15305, л. 1.
- Там же, л. 3—5.
- Там же, л. 20.
- Там же, л. 12.
- Там же, л. 15.
- Там же, л. 24.
- Отчет хранится в ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 93—133.
- Там же, л. 79, 91.
- Там же, л. 188.
- Там же, л. 474.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 15805, л. 9.
- Пучковский Л. С.* Монгольские рукописи и киелографы Института востоковедения АН СССР. Т. I. М., 1957. С. 4.
- Котвич В. Л.* Джангарида и джангарчи // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М., 1958. С. 196—199.
- Ивановский А. О.* Памяти К. Ф. Голстунского. 1831—1899. С. 0110.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 2, д. 15561, л. 7.
- Там же, оп. 3, д. 15365, л. 1.
- Там же, л. 2.
- Там же, л. 4.
- Там же, ф. 14, оп. 3, д. 15405, л. 1, 6.
- Там же, л. 4.
- Там же, ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 156, 161, 173.
- Там же, ф. 14, оп. 3, д. 15405, л. 4; оп. 1, д. 5537а, л. 163.
- Там же, оп. 2, д. 15503, л. 52; д. 15301, л. 39; д. 15537, л. 3, 6, 9, 12.
- Там же, оп. 1, д. 5537а, л. 322—323; д. 15552, л. 6—8.
- Там же, д. 5537а, л. 440, 443.
- Там же, л. 460, 461, 465, 466, 469, 490.
- Ивановский А. О.* Памяти К. Ф. Голстунского. 1831—1899. С. 0111.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 15, 415, 416.
- Там же, л. 429.
- Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 775, оп. 1, д. 184, л. 1, 2.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 431.
- Там же, л. 433.
- Гальман М. И.* Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 г. // Монгольский сборник. М., 1959. С. 157—158. Достоинства работы К. Ф. Голстунского отмечают и другие авторы. См.: *Улымжиев Д. Г.* Монголоведение в России во второй половине XIX—начале XX в.: петербургская школа монголоведов. С. 68—69.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1; д. 5537а, л. 329.
- Монгольско-русский словарь, составленный профессором Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунским Т. I., СПб., 1895. С. 1.
- Подробнее об этом см.: *Ивановский А. О.* Памяти К. Ф. Голстунского. 1831—1899. С. 0109—0111. Резким диссонансом оценке словаря К. Ф. Голстунского позднее прозвучали бездоказательные слова синолога акад. В. М. Алексеева. См.: *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. М., 1982. С. 294.
- Чимитдоржиев Ш. К.* Ф. Голстунский // Российские монголоведы (XVIII—начало XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 73.
- ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 175.
- Там же, л. 178, 180.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета. 1869—1894. Т. I. С. 198; ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 271, 374.
- Там же, л. 255.
- Там же, л. 14, 218, 220, 243.

58. *Ивановский А. О.* Памяти К. Ф. Голстунского. 1831—1899. С. 1009.
59. ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 5537а, л. 497—498.
60. Там же, л. 553.
61. Там же, л. 568.
62. Там же, л. 534.
63. Там же, л. 537.
64. Там же, л. 573, 575, 589, 591.
65. Там же, л. 577, 606. Этот знак помог вдове по разрешению Министра народного просвещения получать полную пенсию мужа в течение года после его смерти. Там же, л. 605.
66. Там же, л. 79, 91.
67. Там же, л. 16, 17, 20, 23, 249, 271, 388, 458.
68. Там же, л. 142.
69. Подробнее о семье см.: Там же, л. 9, 142, 226, 229, 239, 250, 256, 303, 362, 445, 557.
70. Там же, л. 623; *Ивановский А. О.* Памяти К. Ф. Голстунского. 1831—1899. С. 0109, 0111.
71. *Котвич В. Л.* Джангариада и джангарчи. С. 196.